

*Океана Умайы
Время пыльцы*

Оксана Штайн
Время пыльцы

«Фонд развития конфликтологии»

2016

УДК 82-32
ББК 84(4Рос)

Штайн О. А.

Время пыльцы / О. А. Штайн — «Фонд развития
конфликтологии», 2016

ISBN 978-5-9907824-5-7

Произведение «Время пыльцы» написано автором в жанре магического реализма, где сны и история переплетаются с реальной современной жизнью. Исторические судьбы Цицерона и Врубеля, Хармса и Магритта, Л. Толстого и Ф. Сологуба образным поэтичным языком помещены в канву сна и ассоциаций. Магический реализм в современной российской писательской среде встречается не часто, но традиции Павича и Борхеса в этом произведении не затмевают российской действительности и истории. Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 82-32
ББК 84(4Рос)

ISBN 978-5-9907824-5-7

© Штайн О. А., 2016
© Фонд развития
конфликтологии, 2016

Содержание

Вечный октябрь	6
Время пыльцы	7
Его звали Лазарь	8
Деревянная лошадка	10
Поколение всадников	11
Варенье из померанцев	12
День его рождения	14
Таволга	15
Безусловность	17
История стекла	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Оксана Штайн

Время пыльцы

© Штайн О. А., 2016

Вечный октябрь

В этом городе часы без стрелок, а колокола без языков. Октябрь остановился в преклонном возрасте с проплешиной из почерневших листьев, скрипом в суставах, пустым ветром в голосе и понурым взглядом прибитой травы. Октябрь не умирал и не воскресал, жил в этом городе семь месяцев из двенадцати в году. Горожане ждали снега, сияния, света, блеска, но спасались кофеином, работали взбивателями подушек, вытряхивая из них крупу, веснушки, облака, шишки, слёзы, улыбки, овёс, ноты, пралине, хвою и кофейные зёрна.

Сон как пруд разливался и топил в солёных слезах дороги и трамвайные пути. По одному из таких путей шёл трамвай, раздвигая чугунным весом волны цвета корицы.

Была октябрьская суббота. Народу в трамвае казалось много, но мы с отцом сидели торжественные. На нём был серый костюм и светлая рубашка. Галстук он не носил. В шкафу висела пара штук, подаренных к 23 февраля. Как много веснушек высыпало на его лицо, словно он вернулся в детство и отнял у меня юность. Наверное, кто-то встряхнул подушку с уходящим сном прямо ему на лицо, потому что на белый воротник моего платья попал только овёс.

Дядя Веня подошёл с игольчатыми и морозно-холодными астрами. И смотрит, и смотрит на нас по-доброму дядя Веня. Опухшее от многолетней водки лицо и всегда взъерошенные, словно астры, волосы. Лепестки посыпались трамвайными билетами к нашим ногам.

Дядя Саша пришёл молодой. Красивое свежее лицо и кудрявый электрический шнур висит из кармана брюк. Забыл электрическую бритву выключить. Спешил сорвать упругие гладиолусы. Не люблю гладиолусы. Гордые без повода и амбиций. Впрочем, впереди октябрь, а значит, время гладиолусов прошло.

Взглянула на себя, в ситцевом кружевном платье. Не люблю кружева, зачем же так много кружев? Вслушиваюсь в разговоры. Говорят на каком-то птичьем языке, ничего не понимаю. Может книгу почитать? Передо мной книга девочки с красными гвоздиками в руках. Вот гвоздики люблю, они пахнут победой. Что за книга и почему лицо девочки так знакомо? Вера, да, Вера ... или не Вера. А книга какая? Библия. Вера, ты же никогда не читала Библию?!

Ещё одна девочка, с шариками в трамвае. Шарик прыгает по головам. Все недовольны, но не ругаются. «Папа, куда мы едем?» Тоже не слышит. Сколько вопросов я задала тебе за все годы, а ты их не услышал. «Женщина, куда мы едем?» – спрашиваю грустную даму с пышными, как её бедра, георгинами. «Смотрите, мне показалось, она... нет, показалось», – грустно говорила женщина другим. Похожа на грустное пирожное, что растеклось в красках и уже не будет съедено... Как оно называется. «Пап, как оно называется, пирожное?» – снова не ответил, даже головы не повернул. Больше не буду спрашивать.

А этот толкается, пробивается, протиснулся к нам и смотрит. Так смотреть неприлично. Цветы брось, мы что, из оранжереи едем? Сколько можно смотреть, может у меня на лице показывают мультфильм? И почему молчат? Какое-то чёрно-белое кино без звука.

Вдруг трамвай остановился. Все стали выходить. Я тоже поднялась, сбросила цветы с колен и овёс с воротника, вспомнила, что пирожное называется «Мадлен», и, наконец, услышала: «Не заколачивайте дверь, она выходит!» И я спрыгнула. Кто-то встряхнул подушку. Посыпался белый чеснок, крупный рис и много фотографий с могильных плит. Последние горсти земли брошены на уходящий по воде трамвай с немой фотографией отца. Он ушёл в вечный октябрь.

Время пыльцы

Он любил убежать далеко от дома. С тех пор, как мать прыгнула с моста в реку и явилась ему холодной русалкой, которую, с покрытым газовой тканью лицом, несли в последний путь крестьяне, он часто убегал на кладбище. С другой маленькой девочкой они приподнимали железную решётку и пролазили в склеп. Стоя под сводами храма усопших, мрачной, влажной от слёз родственников, прохладной каменной клетке, он чувствовал себя ближе к матери. Смотрел на майскую густую изумрудную зелень больших деревьев и не верил тому, что видел.

Всё плыло за решёткой склепа от тёплого солнечного дневного света и пыльцы. Это было время пыльцы. Она плясала в подвенечном платье мазурку, прикрывая лицо фатой, и превращая в галлюцинацию весь мир за решёткой.

Пыльца как солнечной пылью охристой газовой тканью покрывала лицо мира. Она его преломляла и искажала, будто мир прыгнул с моста в воду, и даже водомерки, с легкостью преодолевая водную гладь, цеплялись за узелки нитей и падали в еле уловимую и качающуюся поверхность сна. Время пыльцы – волнующаяся белая тюль в спальне с открытым окном у моря.

Время пыльцы осыпало сусальным золотом женщин Климта, благословляя их поцелуи, покрывала своим семенем тёмные пруды, разродившиеся лилиями, кувшинками и ряской. Время пыльцы разрешало зажмуриться наяву и открывать глаза во сне или склепе.

Однажды он вырос, вышел из склепа и догнал время пыльцы. Он бежал за ним повсюду. Воспевал империю света, изображал ночной пейзаж под голубым дневным небом. Он искал пыльцу в невидимом и не верил видимому, твердя, что это – не яблоко, а это – не трубка. И только людей он писал без лиц: фиалки, розы, яблоки, облака, покрывало, затылок, лампочка... но никогда лицо.

Охристая пыльца была пронизательна. Он писал птицу с модели яйца, пейзажи с потерянными жокеем в роще с деревьями без лица и с прожилками нервных окончаний высохших листьев.

Он не писал предметов, а только образы, ведь в мире платоновских идей зародилась золотая загорняя пыльца. Божья гостиная с солнечным светом под ночным небом создавала пространство его картин в виде шахматной доски или нотной партитуры, которых он так опасался. Сложилась система координат, где точка не желала продлевать себя в луч или отрезок.

Он почти не выезжал из собственного мира. Однажды женщина его жизни уговорила съездить в Голландию, на выставку мастера чёрного цвета в живописи. У входа в музей он объявил, что его собачка Лулу не желает смотреть картины этого художника. Увидев в Гизе пирамиды Хеопса, он сказал: «Да-а, это примерно то, чего я ожидал».

Его птицы в виде листьев летали в мире пыльцы, луна восходила на фоне серебра, освободитель садился отдохнуть, подытожив: «И это хорошо». В его чемодане мелкие, звенящие, тонкие, как струна, серебряные кружевные листья, которыми посыпает головы людей в котелках вместо седого пепла в знак плача. Люди в котелках никогда не попадут в мир пыльцы, а только в Голконду или на сбор винограда.

Сам он стал голубем из облаков, кораблём из воды, так и не сняв фаты с лица мира. На аскетично-серую могильную плиту Схарбекского кладбища с надписью «Rene Magritte (1898–1967) Georgette Berger (1901–1986)» падает золотая пыльца. Он разделит могильную плиту, жизнь, время до и после ухода единственной женщины с неприкрытым лицом, сорвав с холста материнскую материю прыжка с моста в реку.

Его звали Лазарь

«Недалеко от Иерусалима было селение, называемое Вифания. Там жил Лазарь. Лазарь услышал воззвание Иисуса и вышел к нему, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами»¹.

Лазарь – с еврейского «Бог мне помог». Он родился в 1893-м, в бедной еврейской семье с тринадцатью детьми. В этот год Храм Христа Спасителя в память о павших в Отечественной войне 1812 года отмечал десять лет с момента освящения.

Отец его, Моисей, поставлял скот на бойни Киева. Сам он с 14 лет работал сапожником и палачом. В его революционной карьере есть свои рекорды: как-то он подписал список на казнь 36 000 человек. Он стал одним из авторитетных и страшных людей страны. Его имя носил московский метрополитен.

Притча Иисуса: «Один человек жил богато, но несправедливо, другой бедно, но праведно»². В праведности своей жизни он не сомневался. Лично взял под контроль процесс уничтожения Храма Христа Спасителя.

После принятия решения на заседании ВКПб и резолюции Комитета по делам культа с Храма смывали позолоту, раскалывали мраморные горельефы, дробили порфирные колонны, стальными тросами стаскивали при помощи тракторов кресты. Готовили к казни.

Взрывом Лазарь руководил лично. Две мощные волны 5 декабря 1931 года... и полтора года разборки руин. Он не услышал возвания Иисуса, получив в стране имя «железный Лазарь».

На месте Храма должны были построить Дворец Советов с 75-метровой статуей Ленина. В 1960-м в заложенный фундамент залили открытый бассейн «Москва». Дионисийское торжественно наращивало мышцы под волной искусственного хлорного исторического беспамятства.

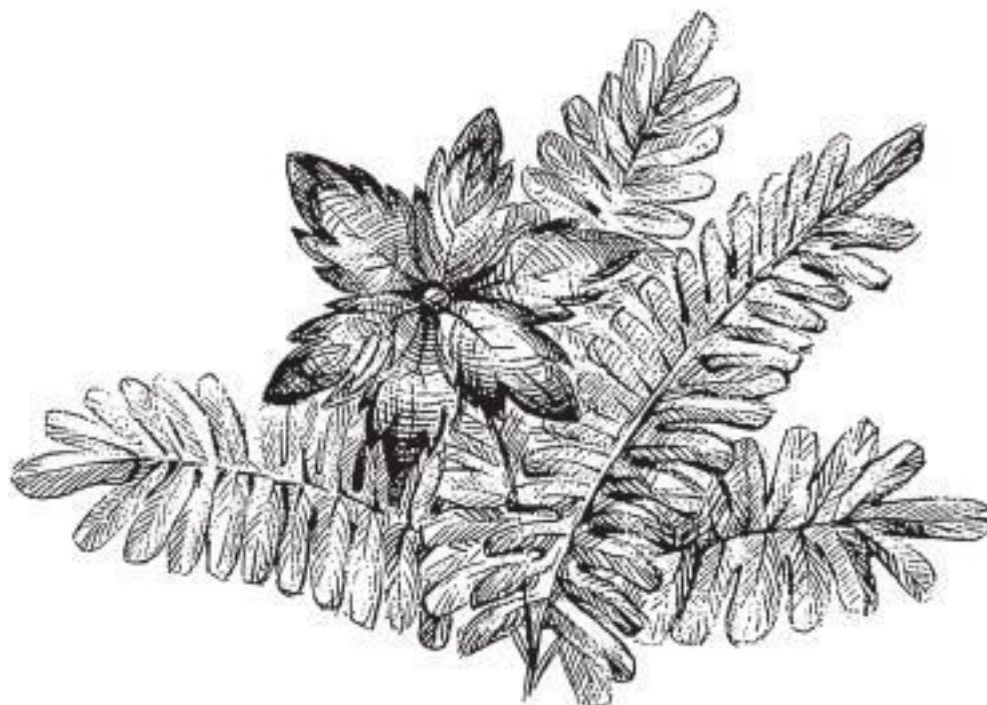
В 1961-м Лазаря исключили из партии, которой он служил всю жизнь. Оставшиеся тридцать лет он прожил в забвении и затворничестве на Фрунзенской набережной в Москве.

Раскаяния или покаяния от наркома, члена Политбюро ЦК ВКПб Лазаря Моисеевича Кагановича никто не услышал. Он заложил фундамент Храма Страны Советов в 1917-м, снося и взрывая на пути другие храмы и жизни, и умер в год взрыва Храма Страны Советов в 1991-м вместе со своей страной.

Он прожил 97 лет и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве. На православных кладбищах сладко пахнет медуницей, ландышами, шиповником, жасмином и земляникой. Папоротники на могилах взрываются вверх с силой зачатия жизни и воскрешения. Деревянные, металлические и каменные кресты ласково наблюдают за копошащимися птицами и не видят его, обвитого по рукам и ногам погребальными пеленами. Наверное, снова Бог ему помог, ведь его звали Лазарь.

¹ Евангелие от Иоанна, 11: 1–50.

² Евангелие от Луки, 16: 19–31

Деревянная лошадка

На дворе стояла мягкая красно-жёлтая осень. Ёжики сложили свои простынки, насушили яблочных семечек для длинных зимних вечеров, нагрызли яблочных долек для тёплых чаепитий.

Ветки хрустели в саду, листья шептали бегающим муравьям, чтобы несли их аккуратнее, и только старый деревянный Дом вздыхал, потому что люди из него выехали, и смех не щекотал больше стёкол его окон. Рёбра брёвен стали пошатываться, горло веранды покрыла ангина плесень, а в пальчиках лестницы стал проглядывать ядовито-циничный мох. Дом кряхтел и мечтал о перерождении в тысячи деревянных игрушечных лошадок. Он будет рассыпан как карамельки по карманам смеющихся детей.

В этой полудрёме Дом осел ещё на четверть бревна, крыша стала рушиться, так как чердачные тайны перекрыли клапаны волнения. Пыльные лёгкие с мешками сухой сладкой лесной малины, избитым медным тазиком и серебряной стружкой фотографий стали иссыхать. Дом трещал. В нём жили только крысы, но после разговорчивых детей Дом их не любил, потому что много суетились и прыгали.

Снос Дома совпал с днём осеннего равноденствия. В этот равный и полный как стакан компота день Дом репетировал цокот лошадки. Народ с ближайших улиц набежал поглазеть на снос. Дом улыбался: лошадки ему снились.

Как во сне, к нему бежала девочка, которая его любила. Раньше она рисовала и фотографировала его, лазила на чердак и прыгала с крыши, обнимала печку и щекотала стёкла своим смехом. «Купи лошадку или деревянную лопатку», – подмигнул ей Дом, но в этот момент из него стаей побежали крысы. Их бег напоминал ныряние дельфинов на морских волнах. И только один юный Крыс остановился и оглянулся, он так любил спать на чердаке в запахе сладкой малины и сухарей.

Кувалда с ядром разогналась и стукнула Дом в правый бок. Крыс встретился взглядом с девочкой. Удары рушили Дом. Запахи и сны из него взвились в тёмное преддождевое облако.

Девочка и Крыс сидели на лавочке спиной к разрушенному Дому. Клюквенная горечь покрыла их лица. Они слушали падающие звуки, смотрели на красно-жёлтые листья. Сгорбленные спины и грустный взгляд делал их соратниками. Они мечтали, как на Рождество купят деревянную лошадку или лопатку, всё равно на букву «л».

Поколение всадников

Он был из сословия всадников, его новое поколение. Цезарю желал почестей, за Помпея был готов умереть, но дороже всего для него было отечество.

Помпея предательски убили в 48 году до н. э., после сражения с Цезарем. Цезаря предательски убили в 44 году до н. э., перед началом заседания Сената. Алгоритм короткого полёта, вертикаль сора и горизонталь мусора в политике развивали эпистолярный и эпиграммный стиль его последующей эпитафии.

Ему казалось, что он вышивает гранью – золотой прядёной нитью на сердечнике из волнообразно-витой нити. Письма, заговоры, сражения, встречи, речи, поражения. Его первое публичное выступление 81 года до н. э. привело к его гонению диктатором Суллой.

Ему казалось, что он вышивает канительно-тонкой битью – сплюсненной проволокой, завитой в спираль. Его избирают консулом в 63 году до н. э. в соперничестве с Катилиной.

Ему казалось, что он вышивает синельно-шёлковой или шерстяной нитью – шнуром с бархатным ворсом. Цезарь простил его после поражения Помпея.

Ему казалось, что он построит храм в честь умершей дочери, – сажень жемчуга по бели, так чисто в намерениях. К власти пришёл Октавиан, был оглашён список врагов народа. Его убили в 43 году до н. э.

Язык из отрубленной головы Цицерона стал подушкой для булавок и иголок жены Октавиана Фульвии. Ей казалось, что она вышивает.

Варенье из померанцев

Они любили варить варенье из померанцев, собирать мёд с фацелии, называть овраги «верхами», а пирожки «выдохами». Семейный повар флейтист Никола Румянцев надувал начинённые вареньем пирожки воздухом с углов, исполняя очередную музыкальную партию.

Он жил рядом с екатерининским трактом и железной дорогой. К дому и от дома. Поезда вёрстами алых шарфов накручивали на чугунные колёса его жизнь и судьбы его героев.

Станция Козлова Засака, 206 км от Москвы. Первый паровоз там гордо появился 5 ноября 1867 года. Свист, змеиное шипение и искры из труб позволили ему сказать, что ведомство путей сообщения принадлежит самому дьяволу. На Козловой Засаке он забирал почту и встречал гостей и царские поезда.

А дома вместе с Николаем Румянцевым жена Софья, урождённая Берс, готовили к Рождеству Анковский пирог по родительскому рецепту, с начинкой из взбитого с цедрой лимона масла. Они неспешно гуляли в Ореховой аллее, слыша отзвук заведённых от 1867 года часов, спешащих к ужину.

Станция Лазарево, 237 км от Москвы. Его поездки к брату в Пирогово. Под стрекотание колёс он мечтал побывать на окраине мира, верил, что Южная Америка станет самой прелестной страной, а Северная примет его как уважаемого гостя канадских духоборцев. Мечтал о путешествии через Средиземное и Чёрное море. Чувство экзистенциальной бездомности подпитывалось крайним постоянством домашнего уклада.

В 6–7 утра – чай или кофе, в 13 – неизменный на протяжении всей жизни завтрак из овсяной каши, яиц и простокваши, обед и чай при свечах с домашним вареньем. Секрет семейного варенья заключался во вкраплении в крыжовенное или яблочное варенье лимона или ванили. В парке Клины деревья высаживались клинышком.

Станцию Скуратово, 284 км от Москвы, он проезжал по пути в своё имение Никольское-Вяземское. Блеск рельсов напоминал ему гильотину с красной дорожкой для женщин благородного происхождения, поэтому железную дорогу он назвал «горделивой чугунок». Свист пара напоминал дуэль скрипки и фортепиано в бетховенском опусе № 47, сонаты для скрипки № 9 («Крейцеровой»).

В новых странах он жадно поглощал музеи, завтраки, выставки, званые ужины и традиции. Во Франции слушал лекции в Сорбонне, смотрел полотна Рембрандта и Мурильо в Лувре, гулял по резиденции, где Бонапарт отказался от престола.

В Европе поезда топили углём, а в России дровами, поэтому на обратном пересечении границы, запах затопленной печи возвращал домой. Дома именинный сливочный пудинг обливали ромом, поджигали и вносили в гостиную, запивая самодельной померанцевой настойкой цвета позднего прозрачного августовского листа из «Берёзового прешпекта». Повар Николай 28 августа в честь дня рождения хозяина напился и снова вымаливал прощения у хозяйки усадьбы, которой пришлось встать за плиту самолично.

Со станции Щёкино, 218 км от Москвы, в 6 утра 28 октября 1910 года вместе с семейным врачом Душаном Петровичем Маковицким он сел в тёмный поезд своей жизни, поезд № 9, в котором, как в Крейцеровой сонате, боролись скрипичная партия жизни и фортепианная партия смерти. Скрипичная исполнялась им, а фортепианная – выше.

Когда-то в Германии он влюбился в «Сикстинскую мадонну» Рафаэля, в мраморные рельефы берлинского Пергамского алтаря, веймарские дорожки фахверковых домиков времён Гёте и Шиллера, оперу Моцарта «Волшебная флейта», где дирижировал сам Ференц Лист!

Дома «волшебной флейтой» дирижировал повар Николай Румянцев: яичница выпускная с шампиньонами и укропом; яйца в томате и всмятку. В 50 лет он стал сдержанным вегетарианцем и раскованным сладкоежкой. Когда жена с детьми уезжали в московское имение, ему

доставался большой запас фиников, овсянки и кофе. Он варил кофе и рассматривал географические карты, хранящиеся дома в большом количестве, вспоминал Рим, раскопки в Помпее, Café Greco, где бывал Гоголь, и мастерские художников. Втайне он мечтал жить, умереть и быть похороненным как простой странник, без креста, памятника и имени.

На станции Астапово 31 октября 1910 года он сошёл с поезда больной и через 7 дней умер. 8 ноября 1910 года тело Льва Николаевича Толстого траурный кортеж сопровождал до дома в Ясной Поляне – усадьбе, где так много светлого ясеня. Часы в его комнате остановили в 06: 05. Железная дорога передала его тело дому, в котором так любили варить варенье из померанцев.

День его рождения

Она жила во дворе, где фонарь обтекал столб. Разночастные, лежащие, пузатые окна с интересом вглядывались в редких, пробегающих от дерева к дереву котов. Рыжий кот залез на зонтичное дерево. Каплями свисали с него зонтики в горошек, с пепельными кружевами, с чёрными трубами питерских домов на обшлагах, красными маками по экватору, мозаичной клеткой ближе к оси.

Её спальня залилась светом с пляшущими пылинками в солнечном тоннеле, которые всё ещё подмигивали Демокриту, подтверждая, что атомы существуют. Дисковый тёмно-зелёный телефон в коридоре взорвался невежливым звонком. Трубку взял отец.

- Алло.
- Можно услышать Ксению Иосифовну?
- Она вышла, а что передать? Кто звонил?
- Передайте, что звонил Иосиф Бродский.
- Кто?

Но на линии уже никого не было. Никого. Отец медленно укладывал трубку на реле, приговаривая: «Непременно передам».

Ксения Иосифовна проснулась в радостно-потерянном настроении. В комнате было светло и солнечно. «Отец снился, – подумала она, – какой сегодня день?» Ах да, 24 мая, день его рождения, день рождения Иосифа Бродского.

Она выглянула в окно. Зонтичное дерево расцвело. Маленькие и большие разноцветные зонтики раскрылись, как почки деревьев. Рыжий кот жмурился и спал. 24 мая – пора цветения зонтов.

Таволга

Таволга покрывает своим цветом большие влажные поля, не болота и не степь.

Он ворвался в его жизнь как утренняя птица в заросли сонной молодой травы, порвал все корни и сплетённые венком узы брака, разворошил гнездо. Он был взъерошённым юным Птенцом с упругими перьями и осипшим от ночных стихов голосом. В клюве у него были только строчки и никаких зёрен. Его глаза – дерзость, губы – вызов, затылок – искушение, лоб – противоволновая дамба, ресницы – ожидание, улыбка – томление, брови – вопрос традиции. Он пел и будил, блудил и блуждал. Ему всегда было 17, даже когда наступили последние 37.

Летом 1871-го таволга набрала силы, стебли её потемнели от переизбытка соков.

Птенец пишет письмо Иволге, птице яркой, любящей виноград и черешню, не прочь полакомиться бабочками, необщительной, но обыкновенной. Так этих птиц и зовут «иволга обыкновенная».

10 сентября 1871 года они встречаются. Это было началом конца, точкой неотвратимости, рассвет и закат поменялись координатами восхода и захода, уровень моря поменялся с уровнем неба. Даже рождение сына Жоржа 30 октября 1871-го и обоснованная ревность жены Матильды не удержали Иволгу от полёта. Высокое содержание аскорбиновой кислоты в таволге приводило Иволгу в восторг, возбуждение и вдохновение.

*Июнь! Семнадцать лет! Сильнее крепких вин
Пьянит такая ночь... Как будто бы спросонок,
Вы смотрите вокруг, шатаетесь один
И поцелуй у губ трепещет как мышонок.*

Медовый аромат травы красил их месяцы и годы полёта. Таволгу, филипендулу, во Франции называют «царицей лугов», добавляют в чай, вино и пиво. «Filum» – «нить», «pendere» – «висеть», всё говорило о том, что оба висели на волоске от мира, жизни и смерти.

«В плену робинзонад» оказались две безумные души. Они бились, трепыхались, взмахивали крыльями в силках любви, перелетая из Франции в Бельгию и Англию, забывая о мышах-полёвках, которые летать не могут, но обладают острыми зубами.

В июле 1873-го Птенец и Иволга поймали свой полёт в сети. Выстрел из револьвера случился не раз, брюссельский Дворец правосудия приговорил Иволгу к тюремному заключению. Его исповеди писались жизнью, тоской по улетевшему в жаркий мир Птенцу, легальным отречением семьи. В тюрьме он получает известие, что прошение жены Матильды о раздельном владении имущества принято. Иволга остался один. Без Птенца, гнезда, жены, детей, дома и имени. «Его тюрьмы» сменились «Его больницами» и «Записками вдовца». По ночам ему снились всадники – ученики школы военного искусства в разноцветных формах.

Птенец отдался безвестности, странной женщине и скоротечной болезни с той же полярной страстью, с которой уводил из гнезда Иволгу, выклёвывая из оконной мозаики семейного дома цветные пластины. Он умер в 1891 году в 37. Его творческий полёт занял три года с 1869-го по 1872-й – годы, проведённые с Иволгой.

Абсент, меланхолия, кладбищенские кусты ракии и деревянные кони каруселей были формулой его лирики:

*Среди листвы зелёно-золотой,
Листвы, чей контур зыбок и где спящий
Скрыт поцелуй, – там быстрый и живой Фавн,
Разорвавший вдруг узоры чащи...*

Исповедь разорванной Иволги заканчивается фразой: «Но всё пошло вразнос в нашей семье, когда в октябре 1871 г. появился в Париже Артюре Рембо». В жизни Поля Верлена ещё четверть века вплоть до 1896 г. всё шло «вразнос»: имя, жизнь, тюрьма и больницы, скитания и позор. Он лишился жены, детей, матери, дома, но в конце жизни собрал по черновикам и памяти стихи своего юного и капризного Поэта, о которых уже в 16 лет говорили, что они «выше литературы». Благодаря Полю Верлену, мы знаем о «проклятом поэте» Артюре Рембо, который, как таволга, покрыл своим цветом большие влажные поля, не болота и не степь.

Безусловность

Она начинала каждое предложение с «безусловно». Безусловность стала для неё принципом, а беспринципность – безусловной реальностью. Никаких условий задач, решения все однозначны. Искала-искала, нашла сумку на троне. Как много в ней конфет! Россыпью леденцы, грильяж, шоколадные. «Безусловно, это беспринципная женщина, какое разнообразие в сумке, безобразии», – подумала она.

Наконец она решилась делать пасху обыкновенную: 7 фунтов мокрого свежего творогу под 12-часовой пресс, стакан свежей сметаны, полфунта сливочного масла, соль, сахар, да всё в деревянную форму, обложить внутри чистой тонкою салфеткою. Добавить цедру лимонную или мелко истолчённый миндаль.

Чудо конфеты, чудо вкус! В сумке много ручек: перьевых, шариковых, гелиевых, карандашей цветных и грифельных. «Безусловно, увлекающаяся натура», – подумала она. Непременно увлекающаяся, а может, пасху другим манером приготовить? К 3-м фунтам творога, 1-му фунту сливочного масла добавить полфунта миндаля, 5 цельных яиц, ваниль, 1 фунт пудры сахарной. Промолоть, взбить до пузырей, да под пресс. Может, изюм убрать?

В сумке много мелких монет, с конфетами смотрятся как летний снег, речные камушки, полированные горошины, деревянные пуговицы, разноцветные скрепки. «Безусловно, дама без вкуса, как можно такое разнотравье в сумке носить?» Надо пасху сливочную сделать: 5 чашек густых сливок, 5 чашек самой свежей сметаны, 2 чашки парного молока, всё смешать и поставить в печку, в вольный дух, часов на 10. Безусловно, мушкатного цвета или фисташкового.

Она стала перебирать все варианты, в раздумьях порвала деревянную пуговицу с воротника, рассыпала конфеты, нашла в сумке блокнот. Записи, зачёркнутые картинки, цифры. «Безусловно, неорганизованная дама», – подумала она. Чей блокнот, того и сумка, чья сумка, того и трон. На первой странице было её имя.

«Безусловно, пасху нужно делать царскую. 5 фунтов свежего протёртого сквозь сито творога, 10 сырых яиц, фунт сливочного масла, 2 фунта сахара, одну палочку ванили, толчёного очищенного сладкого миндаля полстакана, коринки полстакана, сложить в пасочницу, выложить кружевною салфеткою. Безусловно, безупречный вкус».

История стекла

Просвещение, воспитание и образование были просветом его жизни и его эпохи. Это история обесценивания ценностей и стекла. В годы его трудного детства ценилось обесцвеченное стекло с вплавленными нитями молочного и синего цвета. Он всю жизнь вплавлял в свою натуру нити благородства. Учился у нотариуса, гравёра, работал лакеем, учителем, секретарём, пока в 16 лет не встретил Госпожу, обеспеченную вдову-аристократку.

Это была ваза из халцедонового и авантюринового стекла с ручной алмазной гравировкой. Он был с ней прозрачен, без нитей, прожилок и гравировки. Учился в Туринском монастыре, странствовал, но в поздние свои годы писал, что просвещение вредно, а культура – ложь.

В 1732-м вернулся к вдове из монастыря и странствий. Гравировка гувернёра-судьи из Лиона, кем он стал, сделалась более филигранной, но не алмазной, а грифельной. Он считал, что счастливы и непорочны только первобытные люди.

В 1745-м у него появляется спутница до конца жизни. Казалось бы, ваза наполнилась до краёв, но её бока были грубо покрыты однозначными цветными эмалями по мутному стеклу. Спутницей его была молодая неграмотная крестьянка. Тяга к естественному образу жизни, равенству граждан и социальной славе разбивала его как стеклянную лупу, преломляя лучи света на подожжённых крестьянами стогах сена.

Появилась новая плавка обесцвеченного и синего стекла с нитями железа. Он написал крупное педагогическое произведение «Эмиль, или О воспитании», где выступал против применения насильственных мер в воспитании, поэтому пятерых своих детей отдал в интернат, не дав им образования, и желая им счастья, как любой отец.

Халцедоновое стекло с серебром и золочением славы и признания манило и притягивало его взгляд. Он сформулировал основы гражданского устройства в произведении «Об общественном договоре» и с 1756 года вёл уединённый образ жизни, избегая ареста и равенства граждан, потягивая напитки благородного происхождения из стопки опалового стекла со сценой «Триумф Нептуна». В опале он стал социально привлекателен.

С 1770 года занялся переписыванием нот, наслаждаясь росписью сложными эмалями с позолотой на молочном богемном стекле.

Его «Исповедь» привела историю стекла к обесцениванию и демократичности, о которой он писал и которой чурался всю жизнь, отрезав этот удел оставленным детям. Стекло рукотворное, богемное, хрустальное стало предметом повседневного быта. В него перестали вставлять разбитые осколки посуды для украшения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.